

УДК 82.09(04)

«КРЕСТЫ И ПЕРЕКРЕСТКИ» БОРИСА ФИЛИППОВА

В.В. АГЕНОСОВ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И ЭКОНОМИКИ ИМ. А.С. ГРИБОЕДОВА

Борис Филиппов (1905–1991) – поэт, прозаик, литературовед второй (послевоенной) эмиграции, автор более 30 книг. Он – мастер короткого рассказа. К лучшим произведениям писателя относятся новеллы о войне и лагерях ГУЛАГа. Сюжеты прозы Филиппова отличаются острой драматичностью, герои обладают яркими самобытными характерами. Все его произведения автобиографичны. Лиризмом и юмором проникнуты рассказы писателя о детстве героя почти всех филипповских новелл Андрея.

Ключевые слова: *послевоенная эмиграция, проза, рассказ, автобиографизм, драматизм, война, ГУЛАГ.*

Имя литературоведа Бориса Филиппова (псевдоним Бориса Андреевича Фиалистинского – 1905–1991) было известно всем филологам по составленным им совместно с Г.П. Струве и изданным в США 4-томным собраниям сочинений Б. Пастернака (1959–1961) и Н. Гумилева (1962–1968); 3-томникам О. Мандельштама (1964–1969), А. Ахматовой (1965–1983); 2-томным собраниям сочинений Н. Клюева (1969) и «Стихотворениям и поэмам» М. Волошина (1982–1984). По своей точности и справочному аппарату, составленному Филипповым, не было более надежных источников при подготовке советских изданий названных и других писателей XX столетия.

Но Филиппов был не только «ученейшим академическим литературоведом» (эта характеристика, данная им Г.П. Струве, в полной мере относилась к нему самому), но и неплохим поэтом и хорошим прозаиком. Ему принадлежит более 30 книг, включавших в себя иногда только стихи, но чаще стихи, прозу и очерки. Эти стороны его таланта до сих пор почти неизвестны на родине. Лишь несколько стихотворений поэта вошли в антологии «Мы жили тогда на планете другой» (М., 1994) и «Строфы века» (М., 1999). Да в книге В. Синкевич «...с благодарностью: были» помещены воспоминания о встречах с Филипповым.

Писатель родился в Ставрополе в семье офицера царской армии, погибшем в Первую мировую войну. Его мать в советское время стала зубным врачом. Не-

«CROSSES AND CROSSROADS»
BY BORIS FILIPPOV

V.V. AGENOSOV

Boris Filippov (1905–1991) is a poet, prose writer, literary critic of the second (postwar) emigration, and author of more than 30 books. Filippov is a master of short story. Among the best works of the writer there are short stories about war and camps of GULAG. The plots of Filippov's prose are notable for sharp dramatic nature; his heroes have vivid original characters. All his works are autobiographical. Lyricism and humor are distinctive features of the writer's stories about Andrew's childhood who is autobiographical hero of almost all Filippov's stories.

KEYWORDS: *post-war immigration, prose, story, autobiographicalism, drama, war, GULAG.*

которое время учился в Московской классической гимназии, но полное среднее образование получил в Ставрополе. В 1927 году был впервые арестован на 2 месяца за участие в религиозно-философском кружке С.А. Аскольдова¹ «Братство св. Серафима Саровского». Закончив два ленинградских института (восточных языков в 1928 г. и промышленного строительства в 1936 г.), Филиппов работал в различных строительных учреждениях Ленинграда, а в 1936 г. подвергся вторичному аресту и отправлен в Ухто-Печерские лагеря ГУЛАГа. Освободившись в 1941 г., оказался в оккупированном немцами Новгороде. Конец второй мировой войны встретил в Германии в беженских лагерях. Сотрудничал в «Гранях», «Возрождении», «Новом журнале», в русских газетах. С 1950 г. жил в США: сначала, как и многие эмигранты, занимался физическим трудом, затем преподавал русскую литературу в различных университетах, работал для «Голоса Америки», печатался во многих периодических изданиях русских эмигрантов.

¹ Аскольдов (наст. фамилия Алексеев) Сергей Алексеевич (1871–1945) – русский религиозный философ. В 1928 арестован и отправлен в Соловецкие лагеря, с 1935 – в ссылке в Новгороде. После оккупации немецкими войсками Новгорода выехал в Германию. Умер в Потсдаме во время ареста сотрудниками советских органов госбезопасности. В 2012 г. издательство Московской Патриархии РПЦ выпустило том избр. статей философа «Гносеология».

Творчество Б. Филиппова многообразно. В поэзии он говорит о любви, создает цикл «Музыка», пишет стихи об Италии, его вдохновляют псковские храмы и древнерусские легенды. Говоря о «горечи беспредельной вольной доли» эмиграции, о «любвонной острой боли», о «страстью захлебнувшейся речи», поэт, тем не менее, утверждает, что и это

*... беспредельно много! –
Только нищий ласке хлеба рад.
Восхвали же Всеблагого Бога
За Его речьем поросший сад.*

Уже в одном из первых его рассказов «Духовая капелла Курта Перцеля» (1946) показана более чем сложная картина войны, созданы неоднозначные характеры немцев, поднята проблема нравственной ответственности каждого человека. Добродушные и даже слегка юмористически нарисованные немецкие оркестранты послевоенной Германии напоминают автору отряд СС, квартировавший в псковской деревне во вторую мировую войну. Тогда «добродушный баварец Курт Перцель» не только завел себе русскую возлюбленную по имени Любка, но и любил играть с ее сыном, переименованным немцами «из Вовки в Петера». «Перцель носился по избе с Петером на руках, носил его на шее, качал, подбрасывал, подпевая» себе про Лорелею. Люба «жила с ним душа в душу» и даже «носила в себе маленького Вилли или Фрица». Немцы пичкают Вовку-Петера конфетами, вспоминая своих детей. Но это не мешает им же чувствовать себя высшей расой, хладнокровно и равнодушно избивать пленного партизана и затем повесить его. И осуществляет казнь валторнист опереточной группы из Верхней Баварии, «синеглазый плотный мужчина, хорошо и ладно скроенный и достаточно интеллигентный. Он сильно интересовался Россией, читал в немецких переводах «Войну и мир» и романы Мережковского». В финале «добрые немцы» сжигают эту самую деревню, а трудоспособных отправляют в Германию (Курт, правда, предупредил «свою» Любу, и она с сыном бежала). Сцена, натуралистически нарисованная писателем, впечатляет: «Вначале нехотя, с отвращением, приступили солдаты к окружению деревни. ...По мере того, как загорались одна за другой избы — вместе с загнанными в них мужичками, подозрительными или нетрудоспособными, — росли ожесточение и какой-то азарт точного исполнения приказа. Выволакивали девочек, часто своих вчерашних подруг, выхватывали парней и баб — и под конвоем гнали их к грузовикам, а погрузив на пятитонки, везли к теплушкам, чтобы гнать их дальше на Запад. Многих же загоняли прикладами и штыками в горящие дома, били, стреляли и зверели все больше и больше». Писатель не принимает объяснение, которое в конце рассказа дает войне один из побывавших в русском плену немцев: «Виноват международный империализм. И наш, и советский, и капитал Америки, Англии». Филиппов убежден, что каждый

должен нести в себе нравственные понятия и отвечать за свои поступки. Не случайно среди вакханалии убийств в псковской деревне нашелся «хмурый Ганс Герман», сознательно «не заметивший, когда у него из-под носа ушли какой-то статный парень со ссадиной на лбу и молодая с девчонкой-двухлеткой на руках».

Творческой удачей стала фигура всю жизнь проведенного в России немца-переводчика Бергфельда (рассказ «Gott mit uns»), отказавшегося уехать с отступающими немецкими войсками. Ему в уста вложил Филиппов русскую мысль о долге интеллигента быть с народом (то, что Бергфельд немец, для автора абсолютно несущественно: в рассказах Филиппова не раз приводится евангельское «несть елина, ни иудея»). «Я остался страдать и радоваться, умирать и воскресать со своим родным народом, на своей родной земле ... Я скитался по самым глухим углам родины, скрывался под чужим именем, жил как затравленный волк. И мы, советские, не допустим, чтобы нас пришли учить те, кто в это самое время спокойно отсиживался в относительном благополучии», — бросает Бергфельд эмигранту Ключаренко, вернувшемуся в Россию с испанскими частями и на первых порах высокомерно пытавшегося поучать Бергфельда. Писатель настойчиво проводит мысль, что самые бесчеловечные догмы фашизма или коммунизма не могли полностью развратить русский народ. Тот же Ключаренко, на чьих глазах были расстреляны красными отец и дядя, сохранил любовь к родине и сумел увидеть и оценить жизнестойкость и патриотизм русских людей. «Мне казалось, — рассказывает он, — что все мужики должны быть какими-то особенными, насквозь озверелыми большевиками или сплошными мучениками. ...И вдруг люди как люди: веселые, радушные, простые... И еще: встреча с первыми пленными. ...Первый, с кем я разговаривал, был молодой парень, из рабочих, видать, коммунист. И — мне стыдно вам признаться, господа, — мне было трудно отвечать ему: выходило так, что не я его, а он меня допрашивает, а я оправдываюсь: — «Да не против России мы пошли, поймите вы», — кричу я ему. А сам думаю: — а ну, как он прав? А что если, действительно, против родины? А?».

Проблема восприятия жизни и личной ответственности нашла свое продолжение в повести «Счастье» (1948). Здесь впервые появился наделенный автобиографическими чертами рассказчик Андрей, чей образ проходит почти через все произведения писателя. Сюжет повести — сложные отношения поэта Андрея Софронова с женой русской поэтессой Марией (образом которой послужила первая жена Б. Филиппова поэтесса и автор прекрасной монографии о Мандельштаме Ирина Бушман). Действие повести происходит в послевоенной Германии и носит несколько мистический характер: отношения с русской поэтессой Марией, обладающей неумной страстью к действию; судьба сожженной в XV веке красавицы Марии, страстной

любовью совращавшая монахов и потому признанной ведьмой; и знакомство с современной хранительницей ключей от бывшей темницы Марии фрау Мария Холке провоцируют Андрея на размышления о счастье. Потомок приговорившего средневековую Марию к сожжению монаха историк доктор Зигель из рода Зигелей фон Штейнбург, князей Химмельсхаймских, чтобы оправдать своего предка утверждает, что «счастье недостижимо», а жизнь всегда «добыча смерти». Доказательство тому: попытка его предка построить Город Счастья не увенчалась успехом. Напротив, русские персонажи повести утверждают, что жизнь вечна, а «распад ее, и элементы смерти, наличные в ней, — от нашего отъединения, самозамыкания, отпадения от Полноты Вечного, от Вечной Полноты». Надо лишь одержать «победу над самим собой и низшим своим “я”», проникнуться любовью к каждому человеку. «Чем больше думаем мы о счастье для всего сущего, всего человечества, тем больше бездушия к нашим ближним проявляем мы. К человеку, к личности, к отдельному лицу», — рассуждает Андрей Сафронов. Характерно, что над этим же задумывается герой пишущегося примерно в те же годы в СССР романа «Доктор Живаго». Другое дело, что в отличие от Б. Пастернака Б. Филиппову не удалось создать художественно цельное произведение. Наряду с яркими страницами и выразительными фигурами, доктора Зибеля, философа-эмигранта Александра Александровича Васильевского в повести много внехудожественных рациональных рассуждений героев. Недостаточно убедительно прорисован образ возлюбленной героя — русской поэтессы Марии. Тем не менее, мысль о необходимости «просветлять жизнь», «устремляться к недостижимому» (этими словами завершается повесть) резко выделяет произведение Филиппова из общего еще очень сильного в литературе послевоенной эмиграции пессимистического мироощущения.

Значительной удачей Б. Филиппова стал цикл рассказов о ГУЛАГе. Повествование вновь ведется от лица молодого человека Андрея. «Андрей, — писал Филиппов в предисловии к своему «Избранному» (Лондон, 1984), — живет жизнью своего времени и своего народа, а жизнь эта неустанно бросает его из семьи в семью, из столицы в лагерь и тюрьмы, из города в город, из профессии в профессию, из страны в страну».

Если автора сборников «Тайга» и «Голубое молчание» С. Максимова привлекают сюжеты повседневной жизни узников, то в поле зрения Б. Филиппова чаще попадают события драматические, необычные.

Писательское кредо Филиппова уже было выражено в повести «Счастье»: «Не перечерните только, дружище: жизнь и так уже достаточно темновата, не стоит ее сажой замалевывать, а даже и в среде гепеушников встречались великие чародеи и неплохие, в своем роде, человеки». «Человека рисуйте, Андрей Алексеевич, а не плакат для пропаганды».

«Человеки» в их многообразном отношении друг к другу и к жизни и составляют главный интерес писателя. Персонажи лагерных рассказов — люди яркие, самобытные². Писателя интересуют принадлежащие к разным сословиям и национальностям герои. Так, в рассказе «Курочка» в домике у буровой собраны вместе «механик Павел Васильевич; работник центральной аптеки лагеря, бывший архиепископ Виталий; старовер начетчик из Суздаля Архип Сергеевич; невельский часовщик... Самуил Исакович Перовский; страстный эсперантист, технолог проектного бюро Ричард Тадеушевич Цивильский» и рассказчик Андрей, а также «старая пестрая курица Мавра и тигростый кот Памва Берында». Попутно рассказывается об их вольном начальнике и неплохом человеке главном геологе, так и не освоившем даже названия своей профессии и упорно называвшим себя «геолухом». В новелле «Несть еллин ни иудей» писатель сводит чукотского шамана, «осужденного за саботаж и антисоветскую религиозную пропаганду на пять лет»; профессора, бывшего князя Николая Борисовича; еще одного князя старика-грузина Вассо Григорьевича; бывшего гвардейского офицера Николая Павловича; бывшего комсомольца Сережу Новицкого и армянского писателя Вагана Христофорыча, «переименованного» заключенными в Вагона Семафорыча. А в качестве эпизодических персонажей действуют механик и часовщик управленческого лагпункта Самуил Исакович Перовский и о. Агафангел. Еще более плотно «населен» рассказ «О любви, ревности, смерти и других романтических вещах».

Писателю удастся создать не только внешние портреты, но и привычки, передать манеру говорения своих персонажей. При этом весьма часто используются и юмористические детали, штрихи. Шаман перед арестом клялся, что он «православный, большевик». Николай Павлович и Вассо Григорьевич обожают спорить о регалиях разных полков царской армии. Ваган Христофорыч «нервно дергается», когда Вассо поет «Сулико». Между ними происходит юмористически переданный Филипповым разговор:

«— Вассо, оставьте: эту песню ваш Сталин любит.

— Хорошо. Не буду. Извиняюсь. Только Сталин — не грузин, мать его ваша армянка, а отец осетин».

Добродушно нарисован и «геолух», мечтавший стать пивоваром и отправленный по партразнарядке в геологический вуз. «От него, — говорит рассказчик, — мы узнали о существовании Домкратова меча и Домоклова яйца»; он же, стремясь подражать Сталину в

² Характерно, что Борис Филиппов и в личной жизни тяготел к необычным ярким людям. Такой была его мать Лидия Андреевна, до самой смерти сопровождавшая сына в чуждале. Незаурядным сильным и страстным характером и неистовой религиозностью обладала вторая жена талантливая поэтесса Ольга Анстей, мучавшая его тем, что долго не давала развода. Сильной личностью и сложным характером отличалась и его третья супруга Евгения Жиглевич, с которой он жил до своих последних дней.

использовании античных образов, называет Герострата Педестратовым. Что, впрочем, не мешает ему относиться «к заключенным, работавшим в его аппарате, заботливо и даже сердечно».

Сюжеты рассказов Филиппова внешне незамысловаты и общечеловечны. Хорошие добрые люди привязались к двум нелепым животным — курице и коту («Курочка»). Добрые соседи приглашают друг друга отпраздновать сначала еврейскую Пасху, затем — православную («Несть еллин ни иудей»).

Условия лагеря, неволи вносят в эти в основном бытовые ситуации трагический оттенок, ведут к разрушению норм жизни и тем более жутковатым финалам, чем более подробно и юмористично показана повседневная жизнь. В сентябре 1938 г. в лагерь приезжает комиссия, чтобы «проверить дела осужденных», что означало «удлинение сроков, расстрелы, пытки». Всю ночь «беспокойно ворочались наши звери. Они не могли найти себе места. Кот жалостно мяукал, Пеструшка как-то болезненно квохтала...» А на следующий день после ареста священника «кот стоял перед пустой койкой владыки, стоял неподвижно, как надгробие, и выл не по-котиному, выл как собака или волк. А в ногах койки лежала наша Пеструшка. Сдохла. Может быть, сдохла она от дряхлости, но мы тогда убили бы того, кто осмелился бы это сказать. Мы твердо решили: сдохла Пеструшка-Мавра от тоски».

Рассказ о том, как в песнопении Воскресенья объединились в общем порыве православные, иудеи и даже чукотский шаман, «обильно вымазавший и пасхой, и мясом, и яйцами обоих идолов» своей веры, завершается рассказом о последствиях этого события и предшествующего празднования еврейской Пасхи: «неприметный, худой и сутулый местечковый раввин и тишайший о. Агафангел были осуждены выездной сессией суда Коми АССР за лагерную пропаганду и расстреляны».

И все же в финале (а иногда и в пейзажных зачинах) каждого из лагерных рассказов утверждается мысль о продолжении жизни. «Курочка» завершается тем, что один из персонажей нашел и выкупил шапку, сделанную заключенными-китайцами из кота и по-русски помянул животное: «Тоже ведь тварь Божия». «Большей части участников празднования (из рассказа «Несть елина ни иудей» — В.А.) удалось как-то выкрутиться» и «геолух»-чекист предупреждает одного из уцелевших, чтобы тот был впредь «поосторожней».

Характерен финал рассказа «О любви...», где автор иронически пародирует возможную критику своей книги: «Но где же композиция в вашем рассказе? Да вы совсем не владеете техникой писательства! Чехов говорил, что ружье, висящее на стене в начале произведения, должно обязательно выстрелить в его конце... А вы... А то — все случайные лица ... Да и не определишь: рассказ ли это, очерк или фельетон, мемуары? Ералаш какой-то! — возмутится квалифицированный читатель. Да и не определяйте жанра этой вещи, госпо-

дин доцент литературоведения! Ведь и жизнь-то наша — порядочный ералаш!»

Три названных рассказа написаны в 1945–1950 гг. Позднее писатель вновь обратится к лагерной тематике в новеллах «В тайге» и «Любовь» (1965), «Мотив из «Баядерки» (1970), «Радость» (1971). Все они отличаются предельной краткостью. Не случайно редактор «Нового русского слова» А. Седых называл Б. Филиппова «Мастером короткого рассказа» (НРС, 1974, 3 нояб.), а критик Б. Нарциссов — «мастером сказа» («Русская мысль», 1975, 14 авг.). Краткость не изменила характерной для творчества Филиппова приверженности к сложным характерам. Рассказы передают его благословение жизни как крестного пути к добру и любви. Не случайно в итоговом прижизненном «Избранном» они помещены под общим заголовком «Кресты и перекрестки».

Творчество Филиппова многогранно и многопланово. Рассказы об эмиграции соседствуют с жизнеописаниями советских людей в довоенную пору, с рассказами об арестах, побегах, страданиях, с «Преданьями старины глубокой» (именно так назвал писатель свою книгу, вышедшую в Вашингтоне в 1971 г.). В уже упомянутом итоговом сборнике «Избранное» этот цикл составил последний раздел книги.

К самым значительным произведениям Б. Филиппова, бесспорно, относятся короткие автобиографические рассказы 70-х годов «Из записок Андрея». Филиппов мастерски передает здесь исконно присущую детям доброту и наивность — качества, которые сохраняют и любимые персонажи его «взрослых» рассказов.

Пятилетний Андрей, «обуреваемый сознанием мировой неправды», пожалел «босую лошадь», идущую под дождем без калош. На возражения взрослых, что и его отец ходит без калош, мальчик отвечает: «Он — офицер. Военные калош не носят. А Гнедко — наш, он штатский, не строевой. У отца сапоги. Что они — фунт дыма?» («Гнедко»). Тот же Андрей, до слез возмущенный «Песнью о вешем Олеге» («Как! Верного, доброго коня сослали до смерти куда-то из-за предсказания выжившего из ума кудесника!»), «вооружившись ножницами и клеєм, всецело погрузился в вырезывание гнусных страниц из «Русской Музы» <...> Мое рвение не пощадило и случайно встретившегося мне «Василия Шибанова» — зверский поступок его барина и свирепость Грозного заставили меня горько плакать». Нет сомнения, что рано или поздно лучшие произведения Б. Филиппова вернутся на родину. Предлагаемый очерк — первая попытка такого возвращения.

Агеносов Владимир Вениаминович
д.ф.н., профессор Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова

☉ г. Москва, ш. Энтузиастов, д. 21,
тел.: +7 (495) 567-73-41, e-mail: vlad-agenosov@yandex.ru